

Глава 1

Народ и Владимир Путин

Владимир Путин — популярный человек. А еще он диктатор. И в этом нет противоречия. Путин доминирует в российской политике на протяжении последних двадцати лет — с самого первого появления на политической арене. Он четырнадцать лет занимает пост президента и еще четыре года был премьер-министром. Он не раз переживал экономические взлеты и падения. Он руководил Россией в эпоху войн и санкций, серьезных уличных протестов и ужасов терроризма. Его власти редко бросали вызов. Присутствие Путина всегда казалось неизбежным, он словно неподвижный ориентир в меняющемся мире. Другие политические лидеры приходили и уходили. Путин оставался.

Как ему это удается?

Помогает его диктаторская сущность. Президент России управляет гигантской машиной принуждения, созданной для того, чтобы надзирать и контролировать. Путин неоднократно использовал огромную силу российского аппарата подавления, чтобы запугивать потенциальных соперников и лишать их собственности, отправлять в тюрьму оппонентов и высылать их из страны. Другим его конкурентам везло еще меньше. Некоторые из тех, кто особенно яростно критиковал Путина, когда мы начинали

работу над настоящим исследованием, не дожили до его публикации.

Но обращая внимание лишь на подавление и насилие, мы получаем неполную и неточную картину российской политики. Обычно мы полагаем, что диктаторы правят вопреки массам, которые при возможности с удовольствием прогнали бы их с поста. Хотя в некоторых странах это действительно так, в России ситуация иная. Нельзя сказать, что Владимир Путин силой властвует над притесняемым и не расположенным к нему народом. Его власть рождается — или совместными усилиями выстраивается — в процессе политической борьбы, в которой участвуют сам Путин, его противники и десятки миллионов сторонников.

В этой книге мы рассказываем, как неприметный полковник КГБ занял исключительную позицию в политике страны. Путин не просто президент — он стержень нации и синоним самого Российского государства. По всему миру журналисты и политики спрашивают не “как поступят русские”, а “как поступит Путин”. Впрочем, на самом деле невозможно ответить на эти вопросы по отдельности. Путин сумел стать выше обычных политических противоборств не с помощью одной лишь силы, а при поддержке миллионов россиян. Они удерживают его на плаву по ряду причин — и личных, и материальных, и эмоциональных. В этой книге мы изучаем эти причины, а также пытаемся понять противников Путина — и тех, кто к нему безразличен. В результате у нас складывается история российской политики, которая достаточно сильно отличается от той, что вы, возможно, привыкли слышать.

На стеллажах магазинов стоит немало книг о “путинской России”, но в большинстве из них не уделяется должного внимания роли российского общества в укреплении власти Путина — или выстраивании этой власти совместными усилиями. Не стоит ориентироваться лишь на то, что Путин сделал для России. Нужно думать не о путинской

России, а о российском Путине. Мы должны понять, что Путин не стоит над своей страной, а *воплощает в себе* эту страну, ее политику, общество и историю. Вместо того чтобы смотреть на самого Путина, нам нужно думать о России и ее гражданах, пытаясь не только ответить на вопрос о том, когда правитель наконец ослабит свою хватку, но и выяснить, когда и как народ ослабит свою.

Наталья и Максим

Незадолго до перевыборов Путина в марте 2018 года мы спросили Наталью, почему она собирается за него голосовать¹.

Во время беседы 44-летняя сотрудница регистратуры из Ярославля — древнего города с населением около полу-миллиона человек, расположенного примерно в 250 километрах к северо-востоку от Москвы, — снова и снова предв-яряла свои ответы оговоркой, что она не интересуется поли-тикой, мало знает и вообще в этом деле профан. “Спросите лучше у мужа, — говорила Наталья. — Он больше в этом разбирается”. Несмотря на это, ее политическая позиция была вполне определенной.

Пока мы беседовали, она вспомнила случай, который произошел всего пару недель назад, когда она ждала приема в местной поликлинике.

“Одна женщина спросила у своего приятеля: «И как только все за него голосуют?» — рассказала Наталья. Под «ним», конечно, имелся в виду Путин. — А он [приятель] ответил: «Ну, он им пенсии на 30 рублей повысил, вот они за него и голосуют!»”

Наталью это поразило. В ее представлении это был не просто цинизм, а чистая неблагодарность. “Пусть они и жалуется на пенсии, но у них есть дети, которые зарабаты-вают хорошие деньги, ездят на машинах и так далее, — по-

яснила Наталья и продолжила: — Как по мне, боже упаси, чтобы оппозиция пришла к власти. Это будет хаос... Пусть продолжается развитие, пусть Путин правит и дальше. Мы развиваемся. Постепенно. И пусть будет поменьше этой демократии”.

Примерно в то же время мы беседовали с Максимом, которого в том числе спросили, считает ли он, что обычным россиянам — вроде тех, что вместе с Натальей сидели в очереди в поликлинике, — важно иметь право на критику власть имущих. Как и многие россияне, Максим — 34-летний продуктовый дизайнер, работающий на текстильной фабрике в Санкт-Петербурге, — теснее всего связывает концепцию власти с президентом. Поэтому когда мы спросили его, считает ли он, что люди должны иметь право критиковать власть, он был непреклонен.

“Нет, я считаю, что это неправильно, — сказал Максим. — Власть никто не может критиковать”.

Почему?

“Да кто мы такие? — риторически спросил он. — Мы не знаем того, что знают люди у власти. Поэтому мы их и выбираем — чтобы они всем управляли”.

Россияне любых политических взглядов любят повторять, цитируя философа-реакционера XIX века Жозефа де Местра, что “каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает”. Когда россияне, не желающие жить под властью Владимира Путина, ссылаются на этот постулат, они намекают на людей вроде Максима и Натальи, которые не только поддерживают президента, но и делают это столь беспрекословно, будто власть Путина представляет собой часть естественного порядка вещей, а следовательно, стоит вне критики. Для Путина Максим и Наталья во многих отношениях идеальные россияне, которые не только принимают его политику, но и укрепляют его власть, считая любую его критику незаконной. Для многих представителей оппозиции Максим и Наталья, напротив, являют собой хо-

дядие карикатуры на все плохое в стране. Но зубоскальство в этом случае сбивает с толку. Чтобы понять, как рождается и отправляется власть Путина, нужно больше узнать о людях, имеющих такие воззрения, и разобраться, как и почему их взгляды оказывают влияние на окружающих. Занимаясь этим, мы начинаем понимать, каковы на самом деле отношения между российским народом и его авторитарным государством.

Прислушиваясь к людям

Мы не готовы согласиться с тем, что каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает. Эта фраза одним махом ставит диагноз целым нациям, лишая отдельных людей возможности принимать независимые решения или видеть вещи по-своему. Как социологи мы предпочитаем отталкиваться от личности и затем искать объяснение, почему и отдельные люди, и группы — сообщества и общественные движения, компании и нации — ведут себя определенным образом. С этой точки зрения единственное фундаментальное отличие россиянина от американца заключается в том, что один живет в России, а другой — в США.

Однако при изучении таких стран, как Россия, подход, подразумевающий анализ взглядов отдельных людей, оказывается сопряжен со сложностями. Обсуждение российской политики в прессе в основном так или иначе сводится к обсуждению Владимира Путина. Огромные снимки коварного диктатора и описания его последних махинаций часто маячат на первых полосах таких газет, как *The New York Times*, *The Economist* и *The Guardian*. Если в России или даже в мире творятся темные дела, сомнений не возникает — это про-иски Владимира Путина.

Любопытно, что внимание к Путину проявляют не только журналисты, но и представители общественных

наук. В значительной части политологических исследований диктатуры (а их довольно много) анализируются элиты и создаваемая ими среда. Особое внимание при этом уделяется тому, как лидеры манипулируют политикой и политическими институтами — парламентами, выборами, судами, бюрократическими учреждениями и т. п., — чтобы не только маргинализировать оппозицию, но и направить ее деятельность в то русло, которое выгодно режиму. Академическая литература не знает недостатка в примерах того, как автократы становятся все более изобретательными в использовании потенциальных конкурентов в своих целях и манипулировании информационным пространством, несмотря на то что интернет лишил их монополии в медиасфере. Иными словами, утверждается, что диктатура выживает и даже процветает, потому что диктаторы научились лучше управлять политическими процессами и направлять их в нужное русло, тем самым держа конкурентов на расстоянии.

Однако это мнение довольно спорно. В мире несовершенной информации и повсеместных непредвиденных последствий образ изворотливого и несокрушимого диктатора требует от человека, занимающего этот пост, очень многого. Более того, бытующие представления чрезмерно упрощают отношения между правителем и народом, сводя их к одностороннему взаимодействию по нисходящей линии.

В этой книге мы рассматриваем российскую авторитарную политику не только по нисходящей, но и по восходящей: мы изучаем российского Путина, а не только путинскую Россию. Отвергая стереотипы и предрассудки, мы представляем наш анализ, основанный на надежных данных и проверенных методах социальных наук. Применяя систематический подход, мы отталкиваемся от уроков, полученных при проведении исследований в России и других странах. Значительная часть этих исследований не имеет прецедентов, включая первое систематическое исследование роли психологии личности в российской политике.

Мы слушаем, как обычные россияне рассказывают о себе, своей жизни и политике. Мы спрашиваем об их политических взглядах и экономическом благополучии, а также об их личных качествах и чувствах. Что они предпочитают — плыть по течению или против? Общительны они или скрытны? Внимательны к деталям или больше заинтересованы в общей картине? Гордятся они Россией и ее правителями или стыдятся происходящего и сердятся на них? Смотрят ли они с надеждой в будущее? К этому мы добавляем миллионы строк из социальных сетей. Какие дела они поддерживают и как? Какие вопросы вызывают у них отклик, а какие оставляют безразличными? Мы использовали утечку внутренних документов, чтобы воочию увидеть, как Кремль пытается управлять людьми и определять их воззрения. Все это помогло нам совершенно по-новому взглянуть на российскую политику.

Политические основы власти Путина

Владимир Путин тоже прислушивается к россиянам — и не только на манер КГБ. Путин со всей серьезностью относится к рейтингам своего одобрения и всегда читает опросы общественного мнения. Почему такой человек, как Путин, хочет быть популярным, когда в его распоряжении есть целый аппарат подавления? Прежде всего, даже для диктатора популярность представляет важный политический ресурс. В конце концов, управлять силой дорого и рискованно. Многие диктаторы теряют свою власть как раз потому, что неправильно рассчитывают силу подавления и провоцируют такой народный гнев, что даже самый мощный аппарат оказывается не в состоянии удержать их у власти. Зная это, Путин всегда внимательно — хотя порой и недостаточно внимательно — прислушивается к мнению народа, когда принимает политические решения. Более того, статус самого

популярного политика в стране позволяет Путину отдавать приказы российскому правящему классу и рассчитывать на их исполнение, а также дает ему возможность отпугивать потенциальных конкурентов — как входящих, так и не входящих в правящую элиту. В связи с этим Путин полагает, что ему важно быть не просто популярным, а самым популярным человеком в стране.

Поскольку власть Путина полагается не только на нисходящее подавление, но и на общественную поддержку, при ее выстраивании должны проводиться агрессивные кампании — как на публике, так и за кулисами. В этом Кремль проявляет изобретательность и гибкость, в разные периоды прибегая к разным стратегиям. Порой в кампаниях используются острые вопросы, которые настраивают миллионы консервативных россиян против “современного”, “глобализированного” мира, угрожающего их ценностям. Порой акцент ставится на институты вроде Русской православной церкви и школьной системы, которые стабилизируют власть Путина и заставляют этого непримечательного человека казаться ценным и даже ключевым для выживания российского государства. В результате на протяжении последних четырех лет Путин постепенно превращается в символ политического сообщества, причастностью к которому, несмотря на все его недостатки, гордится большинство россиян.

В XXI веке выиграть кампанию — даже в авторитарном государстве — значит получить господство в медиапространстве. Как мы увидим, расширение контроля над медиа входило в число приоритетов Путина с самых первых его дней в Кремле, однако господствовать над медиа становилось все сложнее. Легче всего контролировать телевидение, но даже здесь Кремлю приходится непрестанно играть в кошки-мышки, потому что блестящие и отважные журналисты находят новые, необычные способы обращения к массам. Гораздо сложнее контролировать интернет, где Кремль вступил в игру с опозданием. Пытаясь угнаться за оппози-

цией, власти выработали двойную стратегию уничтожения конкуренции и привлечения сторонников к управлению онлайн-дискуссиями. Эта стратегия работает с переменным успехом. Просочившиеся в прессу внутренние документы показывают, что неуклюжие усилия властей в основном носят реакционный характер — и чиновники просто плывут в потоке событий, не в силах сопротивляться ему. Тем не менее в среде прокремлевских и националистических блогеров и активистов появляются новые гордые хранители путинской России.

Порой на руку Путину играют и события, в частности аннексия украинской республики Крым. До присоединения Крыма большинство россиян поддерживало Путина, но не чувствовало эмоциональной связи с политикой и своим лидером. Если обычные россияне и выражали какие-то эмоции в отношении политики, то они могли быть как позитивными, так и негативными. Крым все изменил. Коллективная эйфория, возникшая в ответ на украинские события, которые освещались на российском государственном телевидении, привела к огромному всплеску гордости, надежды и веры в российских лидеров. На этой эмоциональной волне рейтинги одобрения президента взлетели, а россияне ощутили бóльшую удовлетворенность жизнью. Многие люди, с которыми мы беседовали, вдруг поверили, что коррупция в стране сократилась, а экономические перспективы улучшились, несмотря на то что аннексия Крыма и война на Украине привели к ужесточению экономических санкций.

Реакция россиян на крымские события и последующую войну на востоке Украины показывает, какого влияния можно достичь, когда властное государство пользуется расположением публики. Коллективная эйфория, заставившая рейтинги поддержки Путина побить все рекорды, была построена на мифах — а точнее, на лжи, — которые рождаются лишь при совместной работе монополизированных ме-

диа и восторженного населения. Фальшивые новости имеют силу, только если люди готовы им верить. Когда население восприимчиво к национально-патриотическим историям, а события освещаются все более оголтело, рождается мир эмоциональной политики, который оказывается оторван от реальности и потому чрезвычайно устойчив к изменениям.

Все эти грани российской власти — кампании, господство в медиа, мифотворчество — носят политический характер. Также они часто не столь надежны, как кажутся. За крепким фасадом скрываются структурные проблемы, которые дают повод усомниться в устойчивости власти Путина. Успех всех этих начинаний зависит не только от того, что делает Путин, но и от того, что делает народ, который непосредственно участвует в выстраивании власти. Лишившись поддержки народа, Путин дрогнет. Современная российская политика характеризуется хрупкостью, а не постоянством.